

МЕНЕСТРЕЛЬ

ВСТРЕЧА

18+

Менестрель Встреча

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66727790

SelfPub; 2021

Аннотация

Молодой человек после нескольких лет, проведённых в столице, встречается в родном городе со своей бывшей девушкой, сделавшей карьеру и значительно изменившейся. Тематическая повесть о социальном неравенстве и его преодолении, о непреднамеренном, но неуклонном набории веса героиней, которая не сразу начинает ценить человека, готового быть с ней всегда.

Менестрель

Встреча

Часть 1

Давно замечено умными людьми, что настоящее разочарование постигает человека дважды: когда он долго не может добиться того, чего страстно желает, и когда, наконец, добивается того, чего страстно желал.

Вместо спокойной работы над диссертацией аспиранту Андрею приходилось тратить время на утомительную суету, чтобы не то что преуспеть, а для начала выжить в одном из самых дорогих городов мира.

Поначалу его грело чувство принадлежности к элитному вузу, были в новинку впечатления от обустройства в комнате-«двушке» приличного общежития, радовали новые знакомства, возвращение домой вечерними иллюминированными проспектами. Но уже через два месяца единственным отчётливым желанием молодого человека по утрам стало укрыться одеялом с головой и поспать, чтобы никто не входил в комнату и не тревожил ещё хотя бы час-другой.

В одном из внешне солидных издательств на Новом Арбате, где он благодушно согласился поработать на «испытательном сроке», не оформив сразу трудовой договор, ему через полтора месяца указали на дверь, ничего не заплатив.

Впоследствии он сам поражался своей наивности, которую можно было объяснить только эйфорией первых недель пребывания в столице. Пришлось срочно устраиваться дежурным администратором в гостиницу своего же универа, что давало маленький, но стабильный заработок, ибо первоначальные деньги были давно истрачены, и каждому соседу в своём блоке он был уже немного должен.

Появились и частные ученики по «наводке» приятеля с другого факультета – молодого, но более практичного. Вместе с тем, необходимости собирать материал к будущей диссертации и вести обязательные занятия со студентами никто не отменял. Приходилось раз в неделю ездить в Химки в диссертационный зал «Ленинки» и тратить с трудом зарабатываемые сотни на ксерокопии чужих мыслей из чужих работ, казавшихся в важной тишине читального зала нужными и значительными, чтобы потом, внимательно вчитавшись в них дома, понять, что всё это фигня и «вода», авторы безбожно передирают друг у друга и из устаревших источников, и использовать этот материал можно не более чем на несколько процентов.

В сентябре-октябре Андрей съездил два раза на «малую родину», потом дни понеслись рысью, слились в одну летящую вперёд массу, не давая возможности вздохнуть и распрямиться. Через полгода, словно очнувшись, он ощутил на улице, что пришла весна, и понял, что время нигде не летит так стремительно, как в Москве.

Самым трудным периодом для него стала вторая половина лета. В июне закончились платные занятия со школьниками, которым он помогал готовиться к экзаменам, потом гостевые этажи закрыли на летний ремонт, и для теоретика новейшей истории наступил период жёсткого безденежья.

В детстве, когда он, бывало, воротил нос от супа и котлет, ему приходилось слушать рассказы бабушки о голоде во время войны. Тогда они звучали для него как далёкая притча. Теперь он на собственной шкуре испытал – не голод, конечно, просто недоедание. И пришёл в ужас от того, насколько хрупкими оказались его принципы и гордость перед этим старым, как мир, самым заурядным бичом человека.

Чтобы не пересказывать все его мытарства, упомянем только: в августе он дошёл до того, что рано утром, пока немногочисленный не разъехавшийся на каникулы народ в общежитии спал, он тихо вставал, надевал самую незаметную и старую одежду и с хозяйственной сумкой последовательно и внимательно обходил лестничные пролёты всех шестнадцати этажей своего корпуса в поисках оставленных пивных бутылок. Собранную противную добычу, вытряхнув из неё последние капли, он, преодолевая брезгливость, ополаскивал из-под крана, не высушив, как следует, нёс в ближайший пункт приёма стеклотары, выстаивал очередь с какими-то алкашами, получал в окошечке на руки несколько десятков рублей и покупал на них полкило самых дешёвых пельменей, полторашку лимонада и, если хватало, банку килек в тома-

те. Через час он уже «пировал» в своей комнате с блаженством, не снившимся никакому Лукуллу. Бывало, что, задушившись, он машинально начинал грызть сырые пельмени до закипания воды в кастрюльке. Это были недели, когда он, молодой парень выше среднего роста, похудел до шестидесяти килограммов.

Но прозябание не бывает вечным для терпеливого и деятельного. В следующие несколько лет жизнь у Андрея, что называется, немного наладилась. Он работал и подрабатывал, опубликовал несколько статей в научных журналах, выступал на конференциях, написал в целом диссертацию и уже выходил на защиту. Пришлось, однако, отсрочить это событие на год с небольшим после формального окончания аспирантуры – за три года не успел, работа «дозрела» на четвёртом.

Окреп он и внешне, не пренебрегая регулярными занятиями на свежем воздухе в спорткомплексе, расположенном сразу же за его общежитием в лесопарке – бегал по усыпанным хвоей дорожкам, отжимался от брусьев, подтягивался на турнике. Вернул нормальный вес, но продолжал оставаться худощавым и на первый взгляд несколько субтильным. Чтобы не приобрести преждевременно образ «ботаника», упрямо долго не надевал очки, несмотря на начавшее ухудшаться зрение.

Бытовая и учебная круговерть в сочетании с невысокими заработками не оставляли ему времени для полноцен-

ной личной жизни – с неторопливым ухаживанием, постепенным развитием отношений. Но эпизодическими короткими встречами с девушками, не исключаящими неожиданную, ни к чему не обязывающую близость, основанную на взаимном молодом голоде, он не был обделён.

Казалось бы, четырёхлетняя суета и новые впечатления должны были стереть из его памяти образ Гали. Но к своему удивлению в начале пятого года пребывания в столице, в сентябре, он поймал себя на том, что не может забыть лицо и объятия своей бывшей подруги – крутой «заводной» девчонки – невысокой, женственной, с не самым красивым, но живым и умным лицом, внимательным взглядом выразительных карих глаз. Была она импульсивной и своенравной, жадной до жизни и удовольствий, но конкретной и собранной в достижении задуманного.

Их бурный скоротечный роман был основан на той необъяснимой «химии», которая притягивает в юности людей, не объединённых изначально ни общими интересами и целями, ни кругом общения, ни уровнем достатка и сходным статусом. Единственная дочь представителей элиты соседнего районного городка, выбившихся в «шишки» в девяностые, круглая отличница и гордость наупинского филиала академии правосудия, которой прочили блестящую карьеру и отправляли в зарубежные стажировки – и недавно потерявший отца, считающий каждую десятку, пробавляющийся временными «халтурками», не торопящийся устраиваться на посто-

янную работу мечтатель-книгочей, заканчивавший с горем пополам свой педагогический и живущий «как птица небесная», не заглядывая в будущее далее, чем на полгода.

И всё же, несколько недель того лета, которое Андрей потом вспоминал как самое счастливое в своей жизни, и в те несколько серий эпизодических встреч, которые случились потом, им принадлежал весь мир. Перефразируя Тарковского, «расступались... города, сама ложилась мята им под ноги, и птицам с ними было по дороге, и рыбы подымались по реке, и небо развернулось пред глазами».

Прежде чем рвануть в родной город, он позвонил их общей знакомой, преподавателю Есауловой, которая когда-то пыталась играть роль покровительницы их нестойкого союза. Татьяна Сергеевна, эмансипированная, модная женщина средних лет, сразу узнала его голос. После нескольких дежурных вопросов и обязательной демонстрации интереса к делам собеседницы он напрямую спросил об Истоминой.

– Галя? Нет, Галя не замужем. Ты приезжай, если хочешь, повидайся с ней... Да не замужем ещё, я же говорю. Вся в работе, высокую должность занимает... Я её иногда вижу, она у нас в академии по совместительству на четверть ставки работает, – тут в голосе Есауловой появилась неизбежная для женщины при разговоре о другой, более молодой женщине, ирония, – она с та-а-акими формами ходит, у неё та-а-акая грудь... Ну ладно, рада была слышать, Андрюшечка».

Аспирант повесил трубку телефона-автомата (в середине

нулевых ещё звонили из автоматов на первом этаже учреждений) и почувствовал, как что-то отпустило внутри. Галя свободна, и это главное. Остальное неважно. Стала начальницей? Ха, это Галка-то с её несдержанностью и замашками? С формами? Ну, звезда академии всегда была такой – есть, на что посмотреть, за что подержаться.

В Наупинске во время учёбы она жила у бабушки с дедушкой, которые в известных советских традициях больше всего заботились о том, как бы получше накормить «ребёнка». Когда Андрей изредка заходил к ним домой и бывал даже приглашаем к столу, дед – глуховатый, с неверными движениями, но ещё бодрящийся старик с палкой – положив полсковороды жареной картошки внучке на тарелку и разделив остальную часть между собой и гостем, ставил перед студентом полбаночки рыбных консервов, а любимой внучке водружал поверх картофеля три горячие котлетки. Галя смеялась, делила свою порцию, перекладывая немалую часть стеснительному другу. Через несколько часов её ждала горка домашних вареников с густой сметаной или половина тушёной курицы с рисом и подливой.

При такой ежедневной опеке девушка, и без того склонная от природы, не очень высокая, но фигуристая, широкобёдрая, с хорошо развитой грудью, начинала полнеть. Со вздохом оглаживала себя сзади, фотографируясь, втягивала намечающийся животик. Спыхватывалась, авральными усилиями сгоняла несколько из огорчивших её шести-семи кило-

граммов. Потом на каникулах улетала с семьёй куда-нибудь на отдых, снова расслаблялась.

Четыре года назад, в июне, им обоим стало не до встреч, полузапретных укромных радостей и прогулок: он поступал в аспирантуру и устраивался в московской общаге, она усиленно готовилась к выпускным и ежевечерне сидела над дипломным проектом. Прихлёбывала крепкий чай, не считая, отламывала от шоколадных плиток, ощипывала одну за другой спелые виноградные грозди с большого блюда или тянулась за разнообразной выпечкой. Блестяще защитившись, получив свой красный диплом и попав на доску почёта, откружившись в танцах на выпускном в модном, неожиданно потесневшем её платье «от кутюр», она в качестве награды полетела с подругой отдыхать на Кипр в отель с All Inclusive'ом. В следующем месяце – посвежевшая, поправившаяся, загорелая, прыгающая, чтобы влезть в светлые брюки, она провела ещё несколько недель у хлебосольных родственников в Краснодарском Крае.

К Андрею в конце августа она приехала откровенно полноватая. Жарким московским днём шла она навстречу ему в открывающем мягкие руки и плечи облегающем коротком сарафане, не скрывающем ничего из выпукло-зрелого тела. Вечером в постели немного удивила его не только новыми впечатлениями от своего «ландшафта».

Была она теперь не то что зажата – напротив, раскована как никогда – но словно отсутствовала, находясь мыслью где-

то ещё в самый неподходящий момент. Было ли это обдумыванием стратегии начала работы в серьёзной организации, куда она собиралась осенью? Или, как подозревал аспирант, летний отдых обогатил его пассивию впечатлениями не только созерцательно-природного, но и намного более жизненного-личного характера, и он был теперь у неё не один? – чужая душа потёмки.

Перед работой она по своему обыкновению взялась за себя, и когда он в последний раз навестил её в сентябре, её комната была завалена женскими журналами, открытыми на развороте с описанием комплекса упражнений в домашних условиях. В открытой тетради-личном дневнике, лежавшей на столе, он успел увидеть в разделе «Август» цифру «77» с красным восклицательным знаком. Она была зачёркнута, а несколько следующих повторяли «76», «75», «74». В коридоре стояла изящная дамская «Ласточка» – двухколёсный друг сторонниц здорового образа жизни – благо, погода держалась хорошая для длительных велопрогулок.

Обнимая на автостанции перед отъездом свою двадцатидвухлетнюю цветущую пассивию, чувствуя, как мучительно-сладко прикоснулись к нему не только её немаленькая грудь, но и подросший животик, глядя потом из окна на покачивание её, уходящей, женственными «половинами», он подумал мельком, что, если в этот раз Галке и не удастся существенно изменить последствия летнего отдыха, то и слава богу – при общей её ладности и притягательности. И что это

ему, надо, наконец, всерьёз заняться силовыми упражнениями, если он намерен обеспечивать своей подруге личный комфорт, да и сам его испытывать.

Нашли, чем удивить, Татьяна Сергеевна. Кто, как не он, знал формы Истоминой во всех видах.

Ничего не понятно. Ладно – на месте разберёмся. Только была бы свободна! Как я мог так надолго пропасть! С ума сошёл, что ли? Закружилось, завертело в суете...

С тем и выехал.

В ближайшую пятницу Андрей приехал в Наупинск. Здесь надо сказать, что с Галей они не поддерживали переписку. То было время, когда бумажная почта почти уже «умерла», а электронная ещё не была доступна большинству. Не всякий обитатель общежития мог позволить себе подключение к интернету из своей комнаты, да и подержанный компьютер у Андрея появился недавно – для написания текста диссертации, а не для забав. В начале недели вечером он зашёл в интернет-кафе, нашёл через поисковики страницу Истоминой в «Моём мире» (в фотоальбоме среди множества пейзажей были только два фото её лица) и, с удивлением отмечая растущее внутреннее волнение, отправил ей пару строчек с предложением увидеться в субботу. Побродив по похолодавшим улицам, убив два часа, он вернулся, взял ещё пятнадцать минут, не особо надеясь на скорую реакцию, но увидел ответное сообщение, открыл, прочитал тоже короткое, удивлённо-сдержанное, но, вроде бы, доброжелательное

согласие.

Часть 2

Итак, он приехал в пятницу вечером в город, с которым у него было связано немало обжигающих неизжитой памятью воспоминаний юности. Предварительно созвонился с бывшим однокурсником-холостяком, переночевал у него. А на следующий день, заставив себя встать не слишком поздно после вчерашних посиделок, возлияний и разговоров, пробежался по двум адресам в связи с рабочими вопросами, освободился и заторопился на встречу.

Стояли чудесные погожие дни ранней осени. В три часа, как уговорено, Андрей был в начале центральной аллеи городского парка имени какого-то Белобровина и, как все неспешно гуляющие люди, млел от сладкой истомы «бабьего лета». Солнце пригревало, в прозрачном воздухе время от времени мелькали почти невидимые паутинки. Большие старые липы и клёны вздымали свои ещё не облетевшие охряные и медные кроны в чуть поблекшее с лета, но ещё чистое небо.

На входе в парк он хотел было купить цветы, но потом подумал, что Гале будет неудобно гулять весь вечер с букетом в руках, и решил подарить цветы позже.

Хотя казалось, что мир застыл в полудрёме, тем не менее, время шло. Галина опаздывала. Было уже без четверти че-

тыре. Он стал вглядываться попеременно то в один, то в другой конец аллеи, пытаясь определить её среди идущих прохожих. Ну и где она? Вот идёт супружеская пара, катят перед собой коляску с ребёнком. Идёт высокий пожилой человек в шляпе и тёмном плаще. Жарковато ему в плаще-то сегодня. Идёт полная женщина среднего роста в светлом костюме. Вон бегут, как угорелые, две девчонки в ярких курточках и модно разодранных на коленях джинсах. Ещё одна пара – военный в зелёной форме и его пассия. Где же?

Невысокая, кругло-широкая молодая женщина в бежевом костюме поравнялась с ним и сказала нараспев знакомым голосом:

– Ну, привееет! Вот это сюрприз, что ты приехал! – и только тогда он узнал Галю.

* * *

Несколько безмолвных секунд он разглядывал изменившуюся подругу. Галя располнела. Не в кокетливо-преувеличенном смысле, как иногда говорят о себе девушки, а действительно располнела в сравнении с тем, какой он её помнил при расставании, и если ещё не достигла трёхзначного рубежа, была недалеко от него. Благодаря хорошему сложению и былой физической активности она в свои двадцать шесть сохраняла общую миловидность и женственность. Но это была уже какая-то другая красота.

Чуть смугловатое лицо с еле заметным пушком над верх-

ней губой, обрамлённое короткой модной стрижкой (светлый каштан), было почти прежним – не самым красивым, но живым и привлекательным, с быстрым, всё «схватывающим» взглядом умных карих глаз. Ухоженные, пухленькие, с аккуратным маникюром, руки Истоминой украшало по два перстня на каждой (а правое запястье – ещё и тонкий золотой браслет, нежную шею – цепочка). Короткая причёска позволяла видеть в ушах достаточно большие, но не до вульгарности, серьги. На плече висела сумочка из крокодиловой кожи. Пиджачок удачно подобранного костюма был по случаю тёплой погоды расстёгнут. Грудь, и прежде немаленькая, заметно увеличилась и дразняще натягивала ткань блузки, прямая бежевая юбка туго врезалась верхним краем в бока, ниже тесно охватывала широкие бёдра. Под поясом выдавался округлившийся так, словно Галя была в положении, животик. Выше чуть приоткрытых коленей угадывались по очертаниям ладные ноги.

Но разительная перемена была не в деталях, а в общем впечатлении. Как только Галина Анатольевна заговорила, прежняя ребячливая девчонка исчезла. Перед Андреем была холёная глянцевощёкая молодая начальница, тесно «упакованная» в модный костюмчик.

Она взяла его под руку, и они пошли по аллее вглубь парка. Разговор не клеился. Точнее, шёл обмен репликами, но какой-то вымученный.

– Ты, говорят, на повышение пошла?

– Да, работаю директором департамента. Уже больше года.

– Трудно?

– Не то, чтобы... самое главное – правильно делегировать полномочия и не дружить с подчинёнными. А у тебя как?

– А у нас? А у нас в квартире газ, это раз...

– Скрытничаете? – москвич, москвич...

– Какой я на фиг москвич? Предзащиту прошёл, теперь на защиту.

– Ничегооо себе! (с искусственным и от этого неприятным восторгом) На права ещё не сдал? Давно пора бы.

– А ты получила?

– Ещё в прошлом году. Но сегодня я на служебной.

– Так тебя ждут? Ты ненадолго?

– Пока отпустила водителя. Когда надо будет, вызову, отвезёт домой.

При вроде бы доброжелательном настроении Галины Андрей не мог не заметить, что теперь между ними был барьер, не имеющий ничего общего с неловкостью от долгого расставания. Идущая под руку с ним женщина выработала привычку не поддаваться эмоциям, говорить взвешенно, просчитывая каждую реплику, сохраняя дистанцию между собой, принадлежащей к кругу избранных, и «простым смертным», хоть и старым знакомым, но оставшимся по другую сторону жизненного водораздела.

Как выяснилось из разговора, рядом с ним уверенно шла

назначенная полтора года назад директор департамента одного из областных министерств. Из-за жары она сняла пиджак и теперь несла его на руке вместе с сумочкой. Он пытался собраться с мыслями от полученной информации, одновременно украдкой продолжая разглядывать спутницу, и отметил для себя, что и походка её несколько изменилась. Дорогие туфли на довольно высоком каблуке заставляли её идти энергичными короткими шагами, заметно покачивая тяжеловатыми бёдрами.

Андрей пропустил Галину вперёд, когда они проходили через ворота, ведущие в другую часть парка, оглядел сзади, невольно вздохнул, увидев, как раздался тыл его бывшей возлюбленной.

Ехидная Есаулова не преувеличивала насчёт "та-а-аких форм". Покачивались в такт шагам немалые женские «шары», обтянутые юбкой. И при каждом шаге ткань образовывала под ними попеременно резкую складку, подчёркивая снизу их пышность. Проходящий мимо мужчина средних лет тоже не удержался от откровенно заинтересованного взгляда. Заметив это, Истомина сдержанно-самодовольно улыбнулась. Будь она менее самоуверенна, уловила бы во взгляде случайного прохожего кроме невольного вожделения ещё и снисходительную иронию.

– А знаешь, спасибо, что на прогулку вытащил. Так хорошо пройтись!

– На велосипеде удаётся поездить? Раньше, помню, часто

каталась.

– Да какое там, – отмахнулась, – некогда. Всё работа, работа... Даже поесть времени нет.

«Ну, тут ты явно лукавишь», – усмехнулся про себя аспирант. Но идею с едой поддержал.

– Куда пойдём? – предложил наигранно-оптимистично – Давай попьём хорошего кофе? За то время, что я тут не был, на Весенней открыли чудесную кофейню.

– Кофе – это хорошо, – живо откликнулась Галина Анатольевна, – но надо что-нибудь посущественнее. У нас сегодня был рабочий день. В три закончили, но замучались ужасно. Пашем с утра, голодные, злые, как собаки. Тут недалеко новый итальянский ресторан. Зайдём? – и, приложив пухленькую руку себе пониже большой груди, прибавила как-то заговорщически-томно: – Я что-то так захотела есть...

* * *

Ресторан «Итальянский дворик», расположенный в самом центре Белобровинского парка – уютное, огороженное местечко – имел закрытые павильоны для холодной погоды и выставленные на веранду и дальше – во двор под навесы – столики для летней. Наша пара выбрала вариант трапезы на свежем воздухе и подошла к ближайшему свободному столику. Но тут возникла неожиданная заминка. Галина не спешила присаживаться, озабоченно озиралась по сторонам. К ним уже торопился паренёк-официант в тёмно-красном формен-

ном переднике. Он узнал Истомина.

«Рады вас видеть снова! Вам у нас понравилось»? (а Галка-то не в первый раз здесь. Интересно, с кем она раньше была?) – «Да, да, – сказала она, – принесите кресло, как тогда».

Взглянув на пластмассовые летние стулья с подлокотниками, расставленные вокруг, Андрей запоздало понял: во-первых, сидеть на таких его спутнице не по статусу, а во-вторых, втиснувшись в такое ненадёжно-неширокое изделие, она потом рискует подняться вместе с ним.

На самом деле Истомина только один раз была в этом «Дворике», предпочитая в Наупинске рестораны более высокого класса. В один из вечеров в начале недели она обычно гурманствовала на подушках в «Престиже», в пятницу или субботу плотно ужинала в «Барсучьей норе». В тот и другой ресторан её приглашали несколько раз шеф и влиятельный поклонник. После она приезжала туда сама – сначала изредка, потом стала завсегдатаем с «платиновыми» картами почётного гостя.

Официант с бейджиком «Андрей» («Вот ведь непрошенный тёзка!», – почему-то остался недоволен аспирант) уже нёс над головой и ловко поставил к столику широкое, плетёное, устойчивое кресло с подлокотниками. Заботливо положил на сиденье плоскую подушечку и убежал за меню. Истомина передала Андрею свой бежевый пиджак, который он повесил вместе со своей джинсовой курткой на ближайшую вешалку. После чего попытался приобнять и притянуть к се-

бе Галину, как в прежние времена. Та решительно освободилась, спихнула с себя и отвела его руки («Не позволяй себе лишнего»). Он принял делано-виноватый вид («Ах, как я смею?»), попытался сказать что-то шутливое, наткнулся на молчание и осёкся. Галя не возмущалась, не сердилась вслух, что свидетельствует, как известно, о равнодушии, а молча, досадливой гримаской показала, что ей неприятна эта неуместная попытка приставания. («Ну да, я же теперь не принадлежу к её кругу»). Она демонстративно отошла на два шага в сторону, облокотилась на перила, ограждающие площадку, и стала рассматривать оформление летнего павильона.

У неё появилась новая привычка – стоя, на что-нибудь облокачиваться.

«А может, я мнителен. Со мной всё в порядке, но у неё наверняка сейчас кто-нибудь есть, вот и не хочет целоваться-обниматься. Тем более на людях».

Выждав какую-то одну ей ведомую паузу, молодая женщина вернулась, опустилась в кресло и придвинулась к столу. Несмотря на подушечку, она села по уровню чуть ниже своего компаньона из-за глубины кресла, так что её круглые колени оказались довольно высоко. Но от нескромного взгляда сверху её ноги прикрывал («эх!») спускающийся со стола край скатерти.

Аспирант заказал себе самую дешёвую пасту «карбонара» и бокал сухого «домашнего», имея в виду, что ему как

джентльмену придётся потратиться на обоих. Но когда стала заказывать спутница, он слегка вздрогнул. Водя аккуратным ноготком по меню, Истомина медленно диктовала почитительно склонённому официанту свой выбор, состоявший не менее чем из четырёх пунктов: «Салат по-итальянски с беконом и сыром, суп из морепродуктов по-флорентийски, каннеллони с начинкой...» В конце перечня Андрей уловил слово «паста».

– Два раза макаронны? – влез он удивлённо.

Истомина недовольно посмотрела на друга (мешает девушке заказывать!) – Ну да, паста с креветками под соусом бешамель. Это и каннеллони – совершенно разные вещи.

– Попробуйте наше новое блюдо, – попытался завладеть инициативой официант. Но Галина Анатольевна прервала его предложение:

– Нет, как-нибудь в другой раз, – она сделала чуть обиженное лицо, – Женщине иногда приходится себя ограничивать, ну вы понимаете.

– Да-да, конечно, – закивал официант. – Это всё?

– Одно меню не уносите, – попросила заказчица – Десерт будем позже.

Она настояла на том, чтобы вместо сухого «домашнего» они взяли на двоих бутылку выдержанного марочного («а там как пойдёт»). Парень лихорадочно пытался вспомнить цены и точное содержимое своего кошелька. Вроде, должно было хватить.

За едой их разговор пошёл легче, чем во время ходьбы по парку. То ли прошли первые минуты неловкости, то ли хорошее вино слегка развязало языки и убрало настороженность. Словно сговорившись, они не касались темы, как у кого дела «на личном фронте»: Андрей оттягивал минуту неизбежного объяснения. Его бывшая пассия тоже не спрашивала в этом направлении. Зато оба стали оживлённо рассказывать друг другу о всевозможных других новостях, о своих успехах. И чем дальше, тем большую неловкость чувствовал аспирант, которому нечего было противопоставить блестящим галиным достижениям. Руководство, программы, проекты, мероприятия, реализация, работа с населением и организациями, ознакомительные поездки за рубеж и встречи здесь, в их городе, с зарубежными партнёрами...

«Всё-таки, несмотря на своё сибаритство, она умеет работать и хорошо знает своё дело».

Он медленно ковырял вилкой свою пасту карбонара, стараясь, чтобы её хватило на всё количество вина. Для себя он успел подметить ещё кое-что новое в спутнице – её иную, чем раньше, манеру есть. Прежде это была обычная для девушки неспешная разборчивость. Теперь она поглощала поставленную перед ней еду с деловитой основательностью, как работник физического труда после смены, и оживлённый разговор ей не мешал.

Её суп и салат исчезли через четверть часа после того, как их принесли – официант только успевал менять тарелки.

Добравшись до каннеллони, Галина стала есть помедленнее. Несколько раз она машинально опускала руку и с мимолётной тенью недовольства на лице притрагивалась к поясу. И мужчина догадался, что его подругу немилосердно сжимает прямая деловая юбка, которая и так ей тесновата, а теперь и вовсе...

– Ой, Андрюш, посмотри! – замахала рукой Галина куда-то за спину компаньону – Там, похоже, нашу новую рекламу повесили? Давно обещали. – Он повернулся, но краем глаза успел заметить, как Галина Анатольевна быстро растегнула пуговицу на юбке.

– Ты имела в виду тот рекламный щит? – обернулся он.

– Нет, я ошиблась, это не то, – на смугловатом, милом лице Гали читалось небольшое облегчение. Аспирант снова наполнил бокалы, и она с воодушевлением предложила новый тост.

– Душа моя, – неожиданно заботливо она притронулась пальчиками с аккуратным маникюром к его руке, – и от этого забытого ощущения он ощутил словно лёгкий удар током, – тебе надо больше есть. Ты выглядишь лучше, чем раньше, но всё равно худой. Упадёшь тут со мной – кто тебя до поезда отведёт? Возьми себе какое-нибудь мясо!

(«Надо же! Лёд что ли тронулся, господа присяжные заседатели? Или она просто от еды добреет? Как и все мы...»).

Истомина, перехватив пробежавшего официанта, заказала для Андрея шашлык. «Ну всё, – обречённо подумал аспи-

рант, – теперь точно не хватит. Если только не поровну...».

Это была только половина их застолья. Ещё с полчаса Галина насыщалась – так же деловито-безостановочно. «Что значит, привычка», – добродушно, думал про себя Андрей, сам уже сытый, – «но всё-таки, раньше она ела меньше». Но тут же отвечал себе: «А у неё всё не как раньше. Нет больше прежней девчонки. Она – дама, состоятельная дама, начальница. И может себе позволить. И в некотором смысле – не обязательные ли это издержки её должности и значения? Не компенсация ли за нервы и ответственность?».

Речь Гали стала перемежаться лёгкими вздохами. Пасту девушка «домучивала» уже неспешно.

(«Ну всё уже, всё, – потешался про себя чуть захмелевший аспирант, – куда тебе ещё?»)

– Принесите каппутино, – в перерыве между придыханиями сказала Галина официанту, убиравшему со стола тарелки, – Ты что будешь на десерт?

– Да я вообще-то не...

– Два каппутино и профитроли с кремом Маскарпоне.

– Нет, один каппутино! Мне только чай, пожалуйста!

Какое-то время они сидели, вяло перебрасываясь мало-значительными репликами, попивая быстро остывающие кофе и чай. Попытку Андрея рассчитаться Галина мягко, но решительно пресекла, вложив в папочку со счётом несколько сине-зеленоватых купюр. Парень всунул в папку две свои бумажки по пятьсот и несколько по сто, пытаясь сохранить

лицо, но испытывая прилив благодарности подруге за понимание.

Несколько минут они молча отдыхали от «испытания желудка», исчерпав темы для беседы. Наконец, молодая начальница со словами «Ну, спасибо этому дому, пойдём к другому» приподнялась и стала выбираться – осторожно, чтобы не толкнуть стол. Живот у неё стал как на шестом месяце – откровенно и кругло выпирал. Андрей несколько секунд невольно смотрел на него, осознавая, что неприлично пристально пялится, наконец, стал подавать спутнице одежду. Истомина, поймав его взгляд, слегка покраснела, быстро натянула пиджачок, застегнула спереди, после чего деланно-бодро предложила: «Пойдём ещё пройдемся?».

«Серёгу всё равно нельзя дёргать раньше полседьмого – подумала она о водителе – надо убить время».

Они неспешно двинулись в сторону восточных аллей. Галина под руку со спутником вновь обрела уверенность и ступала короткими, но энергичными шагами.

Неожиданно она вызвала в воображении аспиранта образ пчелиной «матки», королевы трудолюбивого улья. «Управляет своим коллективом, посылает гонцов и сборщиков нектара. Раздаёт поручения и наказания, принимает подношения, растит брюшко... А как насчёт «трутней»? Наседает ли кто-нибудь на неё «в брачном полёте»? Неожиданно ему вспомнилась выдержка из когда-то читанного «по диагонали» садоводческого журнала: «Одна из главных опасностей

для пчелиной «царицы» – недоосеменённость». Его бросило в жар приятного стыда, мелькнула горько-весёлая, немного мстительная мысль: «А не твой ли это случай, дорогая? Может, тебе того самого не хватает, вот и подсела на еду как на антидепрессант?»

Я пьян. Чуть всякая лезет в голову. Надо встряхнуться».

– У меня нервная работа, требует больших затрат энергии, – словно угадав его мысли, заявила Истомина. Без сожаления, просто констатируя – Но как хорошо пройтись, правда? Славно, что мы сегодня гуляем!»

Столичная жизнь вырабатывает искусство говорить не то, что думаешь, а то, что от тебя ожидают услышать.

– Галка, ты замечательно выглядишь! Красивая, молодая, видная. Ты стольким раньше занималась – и ушу, и в походы на байдарках ходила («лет семь назад» – уточнил внутренний комментатор) – подготовленная, любой спортсменке фору дашь.

Даже самые умные люди почти верят в то, что хотят о себе услышать.

– Да, – тряхнув головой, заявила Истомина, – я всегда пытаюсь быть активной. Движенье – жизнь!

Перед ними было начало знаменитой Белобровинской лестницы – длиннейшего подъёма наверх в несколько сотен ступеней, обнесённого с одной стороны деревянными перилами. Марши восхождения чередовались с небольшими площадками с цветочными клумбами.

– Пошли наверх, – потянула рукой друга Галина. И словно к ней вернулась порывистость её двадцати лет, она смело ринулась на первый марш подъёма. Правда, теперь ей было нелегко взбегать по ступенькам. И всё же стала взбегать – достаточно энергично.

Андрей устремился следом. Перед ним почти на уровне лица ходили ходуном большие «полушария», обтянутые юбкой, мелькали налитые полные ноги, темнели резковато выраженные подколенные ямки. И снова он не мог ответить себе определённо, нравится ему это или нет. Пока это было несколько непривычно.

Аспирант резво взбегал, стараясь держаться рядом.

Были времена, когда Галя, плотно-фигуристая, резвая, без особого труда пробежала бы до конца всю лестницу. Было несколько лет назад время, когда она, «аппетитная», под семьдесят пять, натягивала на ладное тело чёрные велосипедки, эпатируя мужчин своими формами, и гоняла на двухколёсном «друге». Было недавно и то время, когда она, чувствуя необходимость в моционе, возвращалась домой пешком. Но теперь она отвыкла от физических усилий и пыталась заставить совершить подвиг свои почти уже шесть пудов.

После пяти маршей Истомина стала замедлять темп. Ещё через четыре запыхалась, уже не взбегала, а шла – пока ещё энергично – наверх. Но на очередной площадке, словно потеряв равновесие, покачнулась и остановилась, ухватившись

рукой за перила.

Андрей обхватил её, удержал, притянул к себе – тяжёленькую фемину. Ощутил объёмы и податливость женского тела. «Мягкая вся... Ох, Галка-Галка», – подумал невольно, с мучительной сладостью.

Галина восстанавливала дыхание. Её смугловатое лицо стало почти красным. Теперь ей было не до сопротивления другу.

Красочный осенний день медленно поворачивался налившимся яблоком на мировом дереве.

Некоторое время они стояли, прижавшись друг к другу, как в старые добрые времена. Ничего не говоря. Эта минута неожиданно «сломала» тонкий лёд, невидимую перегородку, мешавшую им до этого. Из пафосной оболочки вдруг проступила самая обычная, немного растерянная девушка, которой при всём статусе по-прежнему нужны была сила и поддержка партнёра.

Или показалось?

– Спасибо, без тебя я могла бы упасть, – лукавый голос, никакой беззащитности. Не специально ли изобразила готовность оступиться, чтобы проверить его реакцию?

Резковато заиграл вызов у неё в сумочке. Нырнула рукой, выловила последнюю модель Siemens'а

«Да, Сергей? Освободился? Подъезжай ко входу в центральный парк со стороны Ломоносовской. Я подойду минут через пятнадцать».

«Надо сейчас, потом будет поздно», – решил Андрей.

– Галка, – сказал он хрипловато – отпустив её из объятий, но продолжая держать за руки, – хотел тебе сказать... Давай сойдёмся, будем жить вместе, – дальше говорить вдруг стало легче, слова понеслись быстро, – вернусь сюда насовсем, мне есть, где жить. А если не захочешь, чтобы мы жили с родителями – снимем квартиру. Я говорил с одним завкафедрой в Современном Гуманитарном. Как только я получу степень – они меня возьмут. Со следующего семестра возьмут на работу. А до этого времени что-нибудь ещё найду... Поживём вместе, раньше же хотели... Если всё будет устраивать – ... поженимся.

Истомина смотрела на него ласково, со странным выражением, значение которого он раньше угадал, чем понял.

– Андрюш, – начала она с паузами, – ты хороший, ты всегда был хорошим. Но понимаешь, мы не можем быть вместе.

Ещё до следующей фразы он уже знал, что ему придётся услышать.

– Я люблю одного человека. И хочу быть с ним.

Игравший всеми красками осени день лопнул как радужный мыльный пузырь, обрызгав лицо скользкими каплями.

– А он тебя... любит?

– Мы помолвлены. И скоро поженимся.

Он молчал, чувствуя нарастающий стук крови.

– Ты не расстраивайся. Всё у тебя будет хорошо. Ты же умный, талантливый. Ну зачем тебе Наупинск? Ты уже мно-

гого добился, а пойдёшь ещё дальше. Сейчас станешь кандидатом – и делай карьеру в Москве, пробивайся. У вас там в вузе такие девушки – красивые, умные...

– Мне нужна ты. Я только недавно понял, что все эти четыре года мне была нужна только ты. Зачем я тогда уехал?

– Зачем я тебе? Я взбалмошная, резкая, самолюбивая. Тебе покладистая девушка нужна.

– Откуда ты знаешь, кто мне нужен?!

– Ты мягкий, добрый. А меня надо держа-а-ать, не давать воли.

– Галя...

Обхватил, привлёк к себе, чуть не со стоном опустился перед ней на колени, обнимая милые полные ноги, прижимаясь к ним лицом...

– Андрей! – решительно освободилась, шагнула назад – Глууупый! Вставай! Что с тобой? – стала испуганно озираться, оглядываться, не видит ли кто, голос стал строже, – Держи себя в руках!

И чуть ласковее, – Ну, приходи в себя, приходи. Всё в порядке, всё хорошо. – Он поднялся, пошатываясь, закрыл горящее лицо руками, опустив голову.

Ещё с минуту она легко гладила его по волосам.

Наконец отнял руки от лица, распрямился.

– Я пойду. Но сначала тебя провожу.

– Хорошо.

Через десять минут он открыл перед ней дверцу бесшум-

но подъехавшего чёрного BMW, подал руку, помог своей (уже не своей!) девушке забраться внутрь. И – для уже устроившейся на заднем сиденье – выдавил прощальную улыбку и помахал рукой.

Часть 3

«Ну и дурак!»

Аспирант зло, дёрганной походкой, с горящим лицом шёл по направлению к вокзалу. От души пнул носком подвернувшийся на тропе бумажный пакет.

Бредущий навстречу поддатый мужичок с бутылкой пива в руке счёл нужным среагировать:

– Ты чё как бешеный?!

«Получу степень, буду преподавать, снимем квартиру... «Нужно» ей это при том, что она уже имеет, наивный чукотский юноша. Ты не сможешь обеспечить ей привычный уровень комфорта. Не будет она прыгать с тобой по съёмным квартирам со старой мебелью, наводить порядок, пытаться создать жалкое подобие уюта».

Через четверть часа он уже стал спокойнее. Что-то внутри него подсказывало, что всё получилось правильно – независимо от его воли.

«Признайся себе – ты уже не любишь её. И вряд ли когда-нибудь любил. Иначе бы не уехал. «Зацепила» она тебя. Просто зацепила когда-то. А это другое. Это пройдёт. Уже

проходит».

Быстрая ходьба успокаивала. Улицы родного города летели ему навстречу и развевались за спиной, как волосы. Но родные стены не помогали. В Москву, в Москву, в Москву! – как все три сестры вместе взятые.

«Хватит жить в общежитии. Защититься через два месяца – и рвать из этого клоповника. Надоело. Снять квартиру... Нет, квартиру ещё не по карману. Комнату. Найти нормальную работу. Закрутить роман с девушкой попроще – невысокой, фигуристой, с карими глазами, хорошей грудью, широкими бёдрами...».

Ближе к вокзалу с мелочным удовлетворением подумал: «Хорошо, что не потратился на розы».

* * *

– Домой, Серёж.

Первое, что сделала в машине Истомина, пользуясь тем, что была на заднем сиденье – реализовала желание, которое не давало ей покоя весь последний час, даже во время объяснения с другом – выдохнув как можно глубже и сжав пальцами левой руки края молнии сбоку на юбке, осторожно, чтобы не сорвать, расстегнула молнию вниз. После чего почувствовала себя свободнее.

«Мала стала. В понедельник надо надеть что-нибудь другое».

Встреча со старым другом почти не лишила обычного ду-

шевного равновесия.

«Решился на объяснение. Надо же. Забавный. Спыхватился спустя столько времени. И, похоже, сильно расстроился, «убит» ситуацией. Ничего, пройдёт, может, даже будем друзьями по переписке».

Всё же, небольшое волнение и смущение остались и вызывали дискомфорт. И она инстинктивно убрала его самым своим безотказным способом.

– Серёж, притормози.

В окне была вывеска кофейни – той самой, новой, на Весенней, куда приглашал её Андрей. «Стоит ли? А, семь бед – один ответ». Передала водителю купюру:

– Возьми «латте» и яблочный тарт.

Полчаса тому ей казалось, что она ещё долго ничего не сможет съесть после «Итальянского дворика». Но...

Кофе с молоком был в меру горяч, вызывал умиротворение, треугольник пирога такой, как надо – рассыпчатый и ароматный, с кислинкой верхнего слоя яблок в глазури.

Пока она жевала и запивала, водитель терпеливо ждал, склонившись на баранку.

Промокнула губы, посмотрелась в зеркальце, подвела губы.

– Едем.

Блаженно откинулась на спинку сиденья, рассеянно теребя золотую цепочку сумочки, наблюдая в окно за прохожими. Почти сразу она забыла все неприятные детали окончив-

шегоя суматошного дня и лениво плавала в приятных воспоминаниях и мыслях о своём женихе.

* * *

Человек предполагает, а располагают, как известно, другие силы.

Прошло около восьми лет. Андрей далеко не сразу поменял условия проживания, а застрял в студенческом общежитии ещё надолго, «место под солнцем» нашёл нескоро, учёная степень, а потом и звание не оказались пропуском в лучшую жизнь, а следующие его девушки были совершенно не похожи на запавший в него образ. К тридцати шести у него не появилось в Москве собственного жилья, а забрезжило только что-то вроде намёка на него в будущем – призрачный шанс провинциальной лягушки, барахтающейся в столичной сметане и сбивающей её вокруг себя в масло.

Он держится за место в вузе, считающимся одним из престижных, но практикующим произвол и моральный террор руководства в отношении сотрудников и студентов. Давно смирился с тычками и начинает превращаться в обычного плотного, близоруко щурящегося, преждевременно начинающего сидеть доцента, лояльного ко всему – в тёмно-синем костюме, в нечищенных по-холостячки ботинках, с набитым под завязку, оттягивающим руку портфелем.

* * *

Тот, с кем была помолвлена Галина, не женился на ней, хотя и не по её вине, и она незаметно для окружающих, но глубоко страдала. Только через год после разрыва стала появляться на светских мероприятиях – выпукло-зрелая, ещё больше поправившаяся, в откровенных вечерних платьях. Выставляла призывно роскошную грудь, ниже отчаянно утягивалась корсетом из латекса, ночью пыхла в постели с новым бойфрендом.

Даже оставившие её потом любовники благодарно признавали и помнили, что в «Истомке» есть огонь и умение вознести себя и партнёра на вершину блаженства. И всё же, ей не везло: за несколько лет она побывала в нескольких отношениях, но кольца на безымянном так и не появилось.

Обильные бизнес-ланчи, поздние ужины, рестораны, заглушающие стресс кофе-паузы со сладостями...

Во время очередной административной реформы она ушла из министерства, сменила карьеру высокопоставленной госслужащей на частную юридическую практику. Работы при этом стало ничуть не меньше. Кроме приёма клиентов в собственном офисе она постоянно выезжала по разным адресам то в своём городе, то в Москве. Нехватку времени на себя компенсировала моральным удовлетворением от ощущения необходимости людям и высокими доходами. Приобрела новую квартиру, обставила её по своему вкусу.

С каждым годом она проводила всё больше времени в компаниях родственников и друзей в сериях праздничных

застолій, которые, как известно, продолжаютя в России с конца декабря до пасхи – занимая своей женственностью полтора места, привыкнув за столом немного раздвигать ноги.

После очередного из таких «марафонов», очень полная, она сменила разом весь гардероб, заказав примерку на дом и все выходные разборчиво примеряла обновы.

Несколько лет жила в гражданском браке с предпринимателем в сфере оптовой торговли, не только разделявшим, но и поощрявшим в ней гастрономический способ отвлечения от печальных мыслей.

Через полгода после расставания с ним – растучневшая, от плеч до колен обросшая слоями мягкого, с трудом влезая в крупноразмерные джинсы, еле застёгивая их под разбухшим животом – она была вынуждена нанять домработницу.

* * *

В свои тридцать четыре Галина Анатольевна по-прежнему не замужем. Ходит неспешно, попытка быстрой ходьбы вызывает у неё одышку и усиленное сердцебиение. Её напольные во время редких вставаний выдают трёхзначное, в середине которого долго «державшаяся» тройка недавно перешла в четвёрку.

Высокие доходы позволяют ей выглядеть ухоженной, следить за модой, не испытывать проблем с подбором красивой и удобной одежды.

Изредка, в хорошую погоду, вернувшись домой и припарковавшись, она осторожно выбирается из салона своего бентли со специально отодвинутым сиденьем – и не сразу шествует к подъезду и лифту, а немного прохаживается по скверу у дома – вдоль и обратно – уже не в надежде сбросить, а чтобы не слишком быстро толстеть. В сильно раздавшейся женщине с румяными пухлыми щеками и вторым подбородком мало кто из старых знакомых узнал бы прежнюю Галку Истомину. Но голос почти не изменился, и не погас азарт в живых лукавых глазах.

Расторопная домработница Мария – ровесница из землячек, благодарная за место и жалованье, поддерживает в её квартире чистоту и порядок. Встречая вернувшуюся из деловой поездки Истому, приняв у неё верхнюю одежду, она опускается на корточки перед тяжеловато присевшей на стул в прихожей Галиной и снимает с неё обувь – не по принуждению, а из уважения к высокому статусу и сильной полноте хозяйки. В короткий промежуток времени до того, как последняя, разоблачившись, пройдёт в ванную, успевает выложить последние новости и сплетни, напомнить о времени, когда придёт массажист, необходимый её благодетельнице.

Не признаваясь себе в этом, Галина с удовольствием позволяет Марии разуть себя, а иногда и помочь переодеться, поднять оброненные бумаги, не желая лишний раз наклоняться – ей начинает мешать большой живот. Раза два в неделю, вечером, облачившись снизу в удобное, по размеру,

трико, она поглощает содержимое привезённых ей на дом из ресторана пяти-шести контейнеров с разнообразными закусками и горячими блюдами за одиноким столом с цветами, хрусталём и скатертью, утопая и теряясь в воспоминаниях и почти живых, осязаемых представлениях о своих бывших и воображаемых поклонниках. В начале двенадцатого осторожно приподнимается из-за стола раздувшимся шаром, и, добравшись до спальни, кое-как и не до конца раздевшись, валится в одинокую роскошную постель, чтобы немного поласкать себя, отдуваясь от сытости.

Впрочем, эта постель не всегда бывает одинокой. В отличие от расписания визитов массажиста Марии не положено знать (всё равно знает, только помалкивает!) даты визитов специального мальчика – альфонса-эскортника по имени Максим, нанятого по контракту в агентстве элитных знакомств – крепкого парня лет двадцати с профессионально дерзким и восторженным взглядом. В эти вечера Истомина знает, что когда состояние растущей сытости и наполненности привычно доведёт её до острого желания, мальчик не оплошает, когда придёт пора лукаво стягивать с её телес плотно прилегающее тонкое трико, под которым предусмотрено ничего не надето.

Раскинувшись на широкой постели перед своим благодарным жиголом, она лукаво приподнимет и придержит холёной рукой с острыми коготками нижние слои живота и пошире раздвинет толстые ноги. Выдастся навстречу наслаждениям

сильно подросший за последние годы, белый как сметана, аккуратно выбритый, жирный «венерин холм». Макс привычно отработает своё на пятёрку с плюсом.

Но и с парнем по найму не всё бывает гладко. Ему явно приходится поступаться своим мнением, изображать за деньги восторг. Всё чаще размолвки и ссоры с ним (хотя, нуждаясь, всякий раз потом возвращается, чуть не поскуливая, как провинившийся пёс). Всё чаще Галина ловит себя на мысли, что этот суррогат отношений не приведёт к чему-то хорошему, сомневается, не пригрела ли она на своей роскошной, почти материнской в подобном тандеме груди меркантильную змею.

К этим невесёлым мыслям по утрам – в ванной и перед зеркалом – у неё добавляется понимание, что она снова жиреет (резинки крупноразмерных трусов сильнее впиваются в ягодицы, пояс бюстгалтера – в складки и наплывы на спине), и что при сохранении того жизненного уклада, который она не сможет, да и не захочет менять, в ближайшие годы, ей придётся ещё больше растолстеть. Не то чтобы её сильно пугала перспектива. Но, всматриваясь в посетившее её чёткое видение того, какой она может стать через несколько лет, она хочет не только благодушно принять эти изменения, но всерьёз задумывается о надёжном, верном человеке, который без принуждения будет любить её такой.

К сеансам массажа, помогающим ей не разрастаться слишком быстро, молодая женщина решает добавить прыж-

ки на месте по утрам и продолжает раздумья.

Какой она может стать лет через пять-шесть при её подрастающем морбидном ожирении, если только угроза здоровью или сильное моральное потрясение (первого она пока не осознаёт, второго не испытывает) не заставят её серьёзно работать над своим весом? Толстые ноги со складками, заметными даже через брюки, вынудят её идти вразвалочку, немного отклоняясь назад для равновесия, неся на метр перед собой вконец раскормленное пузо. Широкий тыл двумя большими подушками будет переваливаться в такт шагам, при каждом из которых будет подрагивать всем, чем можно, её тяжелое тело. Массивный второй подбородок. Круглые щёки будет видно со спины. Усевшись на скамью после непродолжительной ходьбы, она не скоро сможет отдышаться. Уф-ф-ф, ох-х-х. Дорогой, не могу тебе ответить через одышку. Давай поговорим, когда доберёмся до машины?

Разумеется, никуда не денется верный бентли, в котором придётся ещё немного отодвинуть сиденье, всегда будет под рукой Мария или другая помощница по найму, всегда можно позвонить бывшему водителю Сергею, который по старой памяти за небольшое вознаграждение примчится и исправит любую техническую неполадку умелыми руками. Но нужен верный, постоянный человек рядом навсегда. И не только для эмоциональной поддержки и растворения друг в друге. Через несколько лет она оживотеет так, что помощь в переобувании, да и вообще сопровождение (особенно в поезд-

ках) станут очень желательны.

И вот, каким-нибудь поздним сентябрьским утром, не остыв ещё от вчерашней очередной ссоры с Максом, покрасневшись после серии тяжеловатых прыжков на месте, приняв душ, съев на завтрак шесть блинчиков с начинкой и каймаком, запив их двумя чашками кофе и стаканом цельного молока, расхаживая в своём рабочем кабинете перед монитором в единственно по-настоящему удобных для неё пижамных брюках и рубашке, ещё молодая, привлекательная, сексапильная женщина, неожиданно для себя наберёт в поисковике имя того, кому она всегда нравилась, пролистает фотографии, выберет запоздало открытку «С первым сентября», отправит несколько строк с предложением встретиться. И в ожидании ответа будет прислушиваться не только к неожиданно появившемуся в ней душевному волнению, но и к томлению и желанию своего большого тела, вызванного воспоминанием об одном давнем, погожем сентябрьском дне.